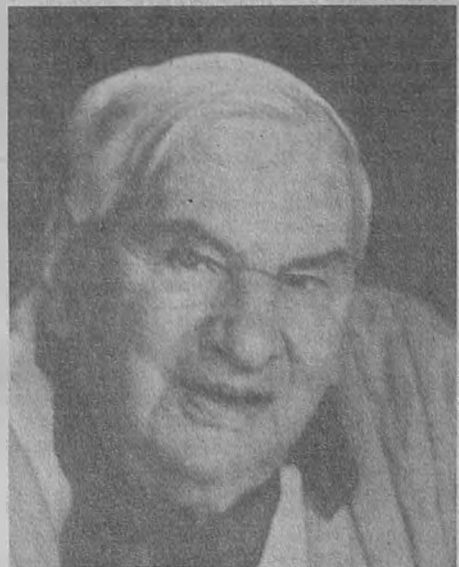

Евг. ГАБРИЛОВИЧ

Опыт вневедомственной автобиографии

Я НЕ БЫЛ НИ МАЛ НИ ВЕЛИК. СЕМЬ СТРОЧЕК ЖИЗНИ МОЕЙ ВЫ СЫЩЕТЕ ДАЖЕ В ЭНЦИКЛОПЕДИИ. ПРАВДА, ПОКА НЕ ПОЯВЯТСЯ НОВЫЕ ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ЭТИ СЕМЬ СТРОЧЕК.

тором, надо шить штиблеты не модного, а беспримерного образца.

Чтобы стать Тютчевым, надо по меньшей мере быть Фетом.

Прослыть непонятым, элитарным да еще и непонятым — это одна установка в нашем освобожденном кино, с полвека мечтавшем о воле. Другая — сюжеты с бандитами, убийствами, взяточниками, погонями, изнасилованиями, честными девственницами или продажными шлюхами — ИСКУССТВО МАССОВОГО ВОСТРЕБОВАНИЯ.

Обращаюсь к кино масс. Его нехитрые (хотя были тут и хитрые) фабулы сперва, после Свободы, привлекали толпы зрителей, возвращенных на кинопоказы передовиках производства, добродетельных сталеваров и вождей, праведных на все сто. Но глядишь — поредел толпы, опустели кинотеатры. Оказалось, что и ИСКУССТВО МАССОВОГО ВОСТРЕБОВАНИЯ нуждается в художниках не менее умных, тонких и вдохновенных, чем новаторский авангард.

Пора накрепко вбить себе в голову, что искусству во всех его ипостасях необходимо искусство. И ничто не поможет, если этого нет, — ни редколлегия, ни величие темы, ни задранные тосты. Тысячи именитейших в прошлом имен, восхваленных, однако, бесплодных, валяются по обочинам, но (сколько это ни казалось невероятным) воскресло ПОДЛИННОЕ, хотя со дня своего рождения оно шло под кандаальный звон.

Это накрепко доказал наш век, который, казалось, был озабочен лишь подхалимством, жратвой, бессмысленной толкотней и митингами. Пестрый и странный век. Он уходит, наплыв уйму бед, но толком ничего не распутив. Забудем это? Простим ему? Власть, общество, люди, жена, дети, история, друзья и враги могут забыть и простить. Искусство редко прощает. И ничего не забывает.

Я прожил огромную жизнь и, если бы не был ленив да и трусоват, мог бы в меру сил стать хотя слабым, но истинным летописцем российского революционного века. Я был недругом

большевизма в дни октябрьского переворота — правда, врагом домашним, в кругу семьи, без винтовки и пулемета, ибо в те годы состоял всего-навсего гимназистом. Шестого класса. Частной гимназии.

Но уже тогда, в шестом классе частной гимназии, я восторгался не Троцким, а Керенским: ведь перед вами внештатная автобиография и надо быть честным. В те годы мне думалось, что не пролетариат с крестьянином-бедняком приведет страну к счастью, а русский интеллигент. Тот самый бездельный, несчастный, залатанный интелли-

стин, нелепостей, сладкозвучия, пули и каторги — все это еще как-то вскачь отразили перо и перо.

Да и не могли отразить, если учесть те же пули и каторги.

Думаю, что и тут, в этой контрастности веры и мыслей, провозглашаемых ВСЛУХ, и всего того, что долгие годы накапливалось ВНУТРИ, тоже одна из коренных дорог грядущего душевнательского киноискусства. Если, конечно, ему неохота стать шлаком.

Вот я и выписан из больницы. Прибыл домой, сел за свой стол, одряхлевший вровень со мной. В бумажнике у меня больничная выписка, ЭПИКРИЗ — вполуполу латынь, в которой я смог разобрать лишь то, что был доставлен под их попечение почти очутившимся, но благодаря удачно назначенным процедурам, равно как прицельным медикаментам, оклемался и подлежу выписке с приложением перечня необходимых лекарств и наставлений по пище и поведению.

Пошел в аптеку, лекарств таких нет. И такой пищи нет. Но следую наставлениям по поведению. Кроме единственного: пишу! Не могу не писать. Знаю — ни к черту не нужен я в годы рок-танцев. Хотел бы и я танцевать, но ноги не те. Пишу. Это какое-то наваждение!

Что с нами произошло в августовские дни ДЕВЯНОСТО ПЕРВОГО?

Я думаю, что-то вовсе не предусмотренное. Нечто гораздо значительней движения бронетранспортеров, призывов с балкона Белого дома и братания с танкистами.

Произошла революция. В бескрайней Державе, пусть в дикий форме, осуществлялся социализм. Он здравствовал многие десятилетия. И, следовательно, обвалившись, не мог не оставить за собой обширный отпечаток во всем: в привычках, в движении мыслей, намерений, в складе труда, поведения, в инстинкте того, что позволено и что нагло запрещено. Произошел не только развал могучего, упрямого, самовлюбленного государства, но и всего, что составляло самую суть его — структур властвования, аплодисментов, оценок и слов. Переменение всего. В том числе ПЕРЕЛОМ человека. Но на сей раз с обратным знаком: от социализма к частной собственности на все — на мысли, намерения, слова, пищу, речи и деньги.

Что же пережил и передумал за это время этот поднадоевший, неловкий, почесывающий затылок обычный советский человек, совок? Тысячу раз осмеянный ОБЫВАТЕЛЬ? Как и на что решился?

Или, может, так и решил жить, как жил, не ввязываясь? Подальше от всех переделок? Как бы со стороны? Ну, стало похуже — и что? Чего не было в нашей стране! Даже невесело и как-то не по себе, когда все смирно и тихо.

Открывать магазинчик или сморщить: обманут? Безбрежна душевная и мозговая ткань!

Однако и этим во всю его глубину пока не удалось заняться искусством. В дни, когда страна пытается из последних сил переплыть одну из самых грозных пучин, инженеры человеческих душ даже не притормозили божественных выяснений того, кто из них гений, а кто плут; кто председатель, а кто шаромыжник. В эти дни они жгут портреты своих конкурентов, их книги и чучела. И кулаком в аподеказывают свое превосходство в аполлинической игре.

Нет сюжета! — недавно поведал мне один очень известный режиссер. — Все засижено и залепано. Что ставить, о чем писать? Дайте сюжет! Но действительно новый. Из ряда вон выходящий.

Из ряда вон выходящий? Пожалуй, ста.

Рухнуло бескрайнее государство. Треснули все нравственные, общественные, привычные швы. Вот об этом и сделать кино. Художественное. И

умное. И если позволит талант — провидческое.

Но кого взять в герои? Это гораздо сложнее. Кто он, на мой взгляд, этот коренной (среди многих других коренных) острейший герой наших смутных времен? Полководец? Рок-деятель, летчик, фермер, строитель, директор завода и цирка, спортсмен? Конечно, возможно и это, однако изрядно надоело. Чудится, что координаты героизма нежданно-негаданно сместились. На мой дилетантский глаз — теперь это человек вполне мирный, тихий, напуганный, ввергнутый в ругань, нелепицу, вздор, распад сегодняшней нашей жизни, тоже расплывчатой и напуганной. Однако неплохо барахтающийся и лавирующий в ней.

Кто же он? Да древний приятель всей русской литературы — обыватель.

Да, именно он, тот самый, о котором я выше наспех упомянул. Человек, что ничем не приметен. Ни верой и ни страстью. С его голодухой, с покорством и паникой перед властью во все времена — от Ленина до демократов, которых, как и каждую власть, он мечтал обдурить — ведь только так можно было вертеться. И он жил, строил, полуроботал, полупокрадывал, вкалывал на нивах и в главах. И даже кряхтя осваивал НЕЧТО полезное для страны и начальства. Но приходили другие власти и говорили: надо строить не так, а совсем по-другому, и он вкалывал, и вел себя и кланялся по-другому, но в основном так, чтобы власть, что навзрыд кричала о том, как дорог ей простой, незаметный человек, отвязалась бы от него и оставила бы обывателя в покое, кушать кашу и щи, выпивать беззаветную и, охмелев, чуть-чуть поплывал.

Обыватель — в пламени неописуемых лет. Среди сверхчеловеческих мук. Неприметный, в плохой одежке, не дурак погубить, в вечной нужде. Почему же ГЕРОЙ? Да потому, что прожил немилосливое, все повороты власти, все то разноречивое, несообразное, значительное и нелепое, чем молотил его век. Да так никому и не пожаловался. Кроме жены.

И то, что герой этот часто пьяненький, тоже входит в рисунок столетия.

Надо быть вправду героем, чтобы значиться всего только мещанином нашей страны.

Хорошо бы вообще, если хватит упорства, сочинить фильм о том, как умеет подлаживаться человек (да и человечество) к любым переделам истории. К новым правящим кабинетам и коридорам. К свежеежаренным жестам, словам, прозрениям будущего. К смене табличек на дверях.

Исследовать это опять же подробно и терпеливо, без умысла кого-то поимать, изболтать. Без заговора подготовленных приговоров. Шаг за шагом, стезей за стезей. Ведь столько всего было, казалось, навек опрокинуто в пространства души, веры и убеждений, и сколько снова вернулось под аплодисменты.

И возникает такая мысль: а не были ли мы всего лишь комедиантами в трагедии неслыханного размаха? И играли совсем неплохо. Так неплохо, что в изумлении застыла планета: почему все это лопнуло в несколько дней? Впрочем, и царская власть, здравствовавшая столетия, лопнула в одночасье. Заметьте, все у нас кончается как-то разом. Разве эта странная легкость поворотов всего не может стать беспримерным сюжетом? Трагедия, комедия, фарс? И жутковато, что и дальнейшее может стрястись столь же мгновенно.

Или, к примеру, хотя бы история жизни того, кто еще недавно был на самом вершине. Деятель, достигший беспримерного признания человечества. Везде, во всем мире встречаемый овациями. Приравненный к самым значительным величинам истории — этот деятель сбрасывается вдруг в одночасье в ничто. Этаким царь Федор Иоаннович, желавший примирить всех, но не примиривший никого и низвергнутый с небес на заплывающее шоссе.

Тяжелые и несчастные дни. Счастливые для искусства время!

Старею. Слабею. Чувствую это с каждым днем. Скупо слышу. Уже трудно надеть штаны, а снять их еще трудней. Задыхаюсь. Сморкаюсь. Отхаркиваюсь. Глушею. Мелькают слова и разум. Ужасно с памятью. Не помню даже того, о чем думал вчера.

Этой ночью мне было совсем плохо. Сдавило дыхание, омертвели ноги. Тутанно брезжила лампа, качались стены, хрипело дыхание, все стало стертым, последним — стол, одеяло, ночь. Все прозрачно, на плаву — потуги встать, закричать. В башке обломки всего, что было давным-давно. Откуда они? Как увязло именно это, после всего, что я перевидел за долгие годы? Неизвестно когда исчезнувшее и непонятно откуда воскресшее?

Осенняя ночь. Тьма. Слабо мерцает окно. Вот уже не могу шевельнуть рукой. Муть в глазах. Путанно в голове. Лему. Готовлюсь. Неужели пришло? Мечется сердце. И чем яростней мечется, тем больше хочется жить. Подумать, такой старик! И так нежданно-немыслимо подошло. Конец! А хочется жить, смехота! Эх, начать бы сначала. Тут бы я не дал промаха, не навалил бы вздора!.. Лему. Осень. Окно. Только не шевелиться! Лежать, ни о чем не думать. Не поворачиваться. Даже не воображать, что это так легко подойдет. Спокойней! Спокойней!

Что такое — и впрямь становится легче. Вот уже, кажется, шевельнул ногой. Не все, конечно, но все же. Могу думать. Вспомнил о давнишнем споре с соседом. Согнул мизинец. О чем был спор? Вот этого я все же не помню... Нет, вспомнил и это! Могу тронуть свой нос. Вижу стену. Окно. Дерево за окном. Осень. Дышу! Ура! Отпустило!

До следующей ночи. Господи, дай мне пожить еще немножко!